

Уже темнело, но видимость от этого хуже не стала: повсюду были разожжены костры. Бесчисленное количество языков пламени освещали горную долину, создавая совершенно уникальную атмосферу. Когда в твоём подчинении находятся чудотворцы, способные подчинять огонь, единственной проблемой в освещении становится дорога от одной вершины к другой, но чудотворцы, в чьих силах было покорять небо, легко компенсировали это.

Предательство? Не тогда, когда твоё племя, со всеми твоими знакомыми и родными, находится во власти нового вождя. Который не только не позволил разгоряченным мужчинам бесчинствовать в твоём доме, но и пообещал в обмен на службу столько, сколько не мог пообещать ни один прошлый вождь, род которого до последнего колена публично был обезглавлен Маликом. Остальные же получили предложение, от которого отказывались либо совсем глупые, либо отчаянные. Таких, как ни странно, было абсолютное меньшинство.

Безусловно, должно было пройти ещё много времени прежде, чем племена смогут по-настоящему культурно объединиться, но сейчас это и не нужно было.

Сейчас строился плацдарм. Столь важный, решающий дальнейшую судьбу региона, и Малик собирался воспользоваться ещё не потухшим после битвы огнём в сердцах воинов, собираясь окончательно увековечить своё имя.

Глубокой ночью, освещаемый языками пламени и яркими ночными звёздами, Малик, вместе со своим сыном, в самом сердце племени Горных Ястребов, среди фиолетовых цветов, поднялся на возвышенность, привлекая всеобщее внимание. Со стороны Нориэль видел, как долго Малик ждал этого момента, как ярко пылало чёрное пламя в его глазах. Тёмное марево вокруг него билось в экстазе, распространяясь на слушателей, волшебным образом воздействуя на всех. Страх, уважение, покорность — одной своей тёмной сущностью Малик прививал это, сам того не понимая. И это не говоря уже про его ораторские способности, которыми, пожалуй, будет восхищаться молодой эльф ещё очень и очень долгое время. Идеальный, ужасный баланс.

Настоящее чудовище из нижних миров, принявшее форму человека.

— Мы прошли через огонь, землю, воздух и воду, — громогласно прокричал Малик, подняв в толпе гвалт. — Мы, жители западных земель, прошли через столько, сколько не снилось ни духам природы, ни духам наших предков. Мы прошли через реки крови лишь для этого момента. Момента, когда мы изменимся навсегда! Великий Дух свидетель моих слов, мы сделали то, за что наши потомки будут вечно нам благодарны! Про наши подвиги будут петь песни, рассказывать бесчисленные легенды! Создавать искусство, достойное Великого Духа!

Толпа безумно закричала. Даже поверженные члены вражеского племени, хотели того или нет, заряжались энергией толпы. Народ ещё не знал, что собирался объявить Малик, но не поддаётся атмосфере, что задавал великий вождь и завоеватель, живая легенда, было слишком сложно. Собственный сын варвара, носитель более естественного и спрятанного в глубине души тёмного марева, и сам без всяких на то проблем поддался речам отца, широко оскалившись. Его внутреннее, более серое, но отнюдь не белое, бесконечно далёкое от него марево ликовало.

Нориэль, наблюдая за этим со стороны, мог сказать, что своим учеником он Каима давно перестал считать. Просто боялся признаться себе в том, что облажался. Другом же он его никогда и не мог назвать. Молодой эльф растил совсем другого человека, который, к сожалению, поддался влиянию того, что вызывало у парня буквально инстинктивную ненависть и злобу.

Словно пробудившаяся ото сна внутренняя сущность молила Нориэля хотя бы попытаться избавиться от дряни, что прорвалась через Сопряжение Планов, но парень держал себя в руках. И без того окрасившийся в серый мир для перерождённого духа окончательно смешал палитры чёрного и белого, стерев в сознании многие сомнения.

Он не стал вдруг другим существом, однако, лишившись сомнений, избавившись от груза чужих желаний и собственной недалёковидности, парню стало... Скажем так — просто легче.

Думать своей головой значило, что он мог противиться не только внешнему влиянию, но и внутреннему. Безусловно, он испытает истинное наслаждение, если сможет, пусть ценой своего существования, каким-то образом избавиться от напасти, однако, как ни странно, людям нужна была эта напасть. Без неё они не смогут пойти дальше.

А перерождённому духу нужно было, чтобы люди развивались. Нориэль, до этого погружённый в излишне яркие мечты, мало обращал внимание на реальность. Если он хотел, а он безумно этого хотел, когда-нибудь увидеть каменные джунгли, ещё более величественные, чем те, что он видел в своих видениях, то...

Оставить род Малика в том виде, в котором он был сейчас, казалось лучшим решением. Хорошим? Если делить всё на чёрное и белое, то — определённо нет. Правильным? С какой стороны посмотреть.

Определённо, взрослеть было очень тяжело, и особенно — вечно молодому существу.

Сам того не поняв, парень вновь погрузился в свои размышления столь сильно, что пропустил мимо ушей практически всю речь своего второго друга. Правда, не то, чтобы парень был как-то слишком опечален этому. Ничего нового он бы всё равно не узнал.

Самое же главное он не мог пропустить мимо ушей чисто физически.

— Великий Дух, мой верный друг, — повернул с улыбкой голову Малик на Нориэля, заставив всех тут же обратить на него внимание. Силуэт молодого эльфа слишком хорошо сливался с окружением. — Помнишь ли ты, как много зим назад, в моей далёкой молодости, мы встретили существо, неподвластное объяснению? Помнишь ли ты, как мы встретили лесной мираж?

Нориэль наклонил голову, медленно кивнув.

Улыбка варвара стала ещё чуть шире. Малик вновь обратил свой взор на желавшую услышать подробности толпу. Лесной мираж был одним из самых опасных и непредсказуемых существ, что встречались людям. Незученное, непонятное, мистическое существо с безграничным могуществом.

В своё время рассказ Малика о том, как они смогли пережить внимание этого существа, очень помог варвару в укреплении собственных позиций. Кажется, он собирался этим воспользоваться вновь. Нориэль давно предполагал, что многие экспедиции, что отправлял Малик в лес, заключались именно в том, чтобы вновь наткнуться на это существо.

Перерождённый дух едва сдержал хмык.

— Уже тогда я понял, каким вижу наше будущее и будущее следующих поколений, — продолжил после недолгой паузы Малик, пламя в глазах которого вспыхнуло как никогда сильно. Варвар слишком долго шёл к этой цели. — Уже тогда я видел образ того, в каком направлении мы будем двигаться. Образ той недосыгаемости, абсолютного могущества

мифического существа леса, к которому наши потомки обязаны будут прикоснуться. Отныне мы больше не простые племена. Больше мы не кучка варваров, над которыми сжалились песочные люди. Отныне мы — царство! Царство Мираж, которое будет охранять своей флейтой мой единственный настоящий друг, бессмертный Великий Дух, благодаря которому я смог выжить в тот день! Отныне нашим символом станет непорочный фиолетовый цветок, что никогда не завянет! Я объявляю этот год — первым годом от Великого Объединения!

Бровь Норизэля от степени жестокости насмешки дёрнулась. Толпа, на миг растерявшись, закричала столь громко, что от звуковой атаки молодого эльфа спасли только духи.

Перерождённый дух перевёл взгляд в сторону леса, который всё ещё был покрыт испорченными окровавленными фиолетовыми цветами. Пожалуй, лишь молодой эльф мог понять всю глубину злой иронии, что вложил Малик в своё... царство.

На лицо Норизэля вылезла усмешка. Он с удовольствием заиграл на флейте, чувствуя, как сильно пульсировал его источник.

Пожалуй, любой бы, наблюдая за ситуацией со стороны, сказал бы, что он сделал достаточно и ещё сильно-сильно сверх.

Пришло время платить.

Ещё долгие две недели весь регион обходила новость создания первого царства. Простой народ пока слабо представлял, что значило заявление их во... царя, но абсолютно каждый понимал, что это значило нечто крупное, безумно масштабное и великое. Незатейливый народ праздновал, пел и танцевал. Создавал стихи и писал картины, посвящённые царю и вечному спутнику его рода Великому Духу. Радовался тому, что наступил полный и безоговорочный мир, и что в ближайшие десятилетия им не придётся вновь отправлять своих мужчин в походы на чужие племена.

Никто и помыслить не мог, что в этот момент происходило за кулисами. Никому и в голову не приходило, что это последний раз, когда они видят важнейший символ их царства, его...

«Бессмертного защитника».

— Ты пропал на целую неделю, мой ушастый друг, — ухмыльнулся царь. — Вновь погрузился в сон?

Перерождённый дух, до этого улыбающийся так, как он обычно улыбался, резко изменил выражение лица. Изменил так, что это заставило напрячься даже Малика. Но он не успел просчитать в голове реакцию Норизэля, перерождённый дух оказался быстрее:

— Я ухожу, Малик.

Норизэль мог сказать точно — эти простые слова прозвучали для его второго друга как гром среди ясного неба. Молодой эльф не пытался вилять, не пытался как-то подготовить Малика к этим словам, совсем нет. В его голосе не было неуверенности, не было усталости или сожалений. Скорее, холодный факт, не терпящий возражений.

Это настолько выбивалось из образа во многом нерешительного мягкого подростка, что восседавший на только недавно выбитом из камня троне Малик застыл. Всегда уверенно улыбающийся, контролирующий, прогнозирующий ситуацию варвар оказался совсем не готов даже не к самым словам молодого эльфа, а того...

Того, «как» это прозвучало и в «каком» виде.

Что Нурай, что Каим были в этот момент рядом со своим отцом. И если Нурай стояла тихо и, опустив голову, едва сдерживала широкую, счастливую улыбку, то Каим был совсем другим. Пламя в его глазах разгорелось с такой силой, что его сила против воли вырвалась. Серое марево попыталось воздействовать на Нориэля, однако оно тут же было уничтожено чистой вспышкой энергии молодого эльфа.

Он всё ближе подходил к новому скачку. Его источник вырабатывал так много энергии, что сквозь землю буквально прорывалась растительность, и было совершенно не важно, росла она там до этого или нет. Нориэль уже давно должен был отдаться внутренним процессам, но на протяжении целой недели сдерживался.

Всё ради шалости.

— В-великий Дух, — отшатнулся почувствовавший удивительную опасность Каим, неверяще смотря в удивительно безразличные глаза Нориэля. — Я... я...

Молодой эльф окинул взглядом что Нурай, что Каима.

— Мне нужно поговорить со своим другом. Прошу, выйдите. Это моя последняя просьба к вам.

Улыбка резко пропала с лица Нурай. Молодой эльф увидел, как дёрнулась заметно более светлое марево дочери Малика. Такой сильной ряби молодой эльф ни у кого ещё не видел, что лучше всего говорило про эмоциональное состояние... всё же, молодой девушки.

Она выбрала, мягко говоря, не самое правильное существо для первой влюблённости.

Впрочем, это не помешало Нурай справиться с эмоциями заметно быстрее пытавшегося переварить слова Нориэля брата. Девушка взяла за руку размякшего Каима, потянув на выход. Тот, как ни странно, не стал сопротивляться. Всё же, влияние молодого эльфа на детей Малика было огромным. Он научил их практически всему, что они знали.

Учитель, наставник — титул по-настоящему громкий и значащий очень много.

Малик и Нориэль остались в шатре одни. Мужчина попытался протянуть, как в молодости, руку парню, однако тот на неё даже не взглянул.

Варвар, нахмурившись, убрал руку.

Какое-то время ещё совсем юный подросток и взрослый мужчина молчали, смотря друг на друга. Малик будто воплощал смерть: тени вокруг него искажались, поднимался неприятный запах гари. Властный, безумно могущественный, варвару как никому другому подходил его титул.

С другой же стороны, худой, пахнувший цветами длинноухий «нелюдь», вокруг которого, прямо из земли, сквозь ткань и шкуры, прорывались цветы, оплетая ноги бессмертного существа.

Картину завершали запертые в ловцах снах духи. Чувствуя скорую возможную свободу, они рвались столь отчаянно, что ловцы едва заметно подрагивали.

— Должен признать, я тебя недооценил, мой ушастый друг, — неожиданно расслабился Малик, развалившись на своеобразном каменном троне. — Дай угадаю, влияние того старого чудотворца?

— Лишь благодаря тебе его слова смогли повлиять на меня. Должно быть, ты рад за меня, мой друг? — открыто улыбнулся Нориэль, после чего, не меняясь в лице, продолжил: — Пришло время платить, Малик. Прямо сейчас. Больше ты меня здесь не сможешь сдерживать.

Малик прищурился.

— Не смогу ли?

Сила варвара вырвалась. Камень пошёл против горы, и Нориэль это почувствовал практически моментально. Вырвавшееся тёмное, практически чёрное марево варвара явно без его ведома покрыло перерождённого духа, начав его буквально вдавливать в землю.

Совершенно безумная концентрация энергии. Океан на фоне только начавшего, спустя десятилетия, прокладывать себе путь в более большую реку ручья.

— Не сможешь, — грустно улыбнулся молодой эльф, чувствуя себя так, будто его окунули в помой. — Ни ты, ни твои потомки. Ты сам сделал меня символов своего царства, и ты не можешь сделать меня своим врагом.

Малик сжал кулаки, после чего прикрыл ненадолго глаза. Нориэль видел, как тяжело варвару было бороться со своей внутренней сущностью. Но он, всё же, справлялся. Пламя в глазах царя слегка поухло, и вместе с этим — его тёмное марево вернулось к владельцу, перестав так влиять на Нориэля.

— Ты прав, не смогу, — признал Малик. — Да будет так.

Малик никогда не мог обращать свою силу в какую-то стихию. Он не мог благодаря ней тонко взаимодействовать с нематериальными существами, как и не мог с ними банально общаться. Но это совсем не значило, что он совсем не чувствовал своего чуда и не мог его направлять.

И он направил.

Энергия вырвалась, подняв сильный поток ветра. Все ловцы снов в один момент разрушились, подарив далёким собратьям перерождённого духа свободу. Десятки и десятки мелких нематериальных существ, которых эксплуатировал род прошлого вождя на протяжении поколений, и которых использовал для обучения собственных детей и фактического шантажа нынешний вождь...

Наконец, они получили свободу.

Нориэль прикрыл глаза, на миг позволив себе погрузиться во все те образы, что использовали духи для общения. Они благодарили его, просили бежать, впрочем, и сами не задерживаясь. Перерождённый дух испытал облегчение, которое сняло с него ещё один груз.

Природа вокруг него бушевала уже столь сильно, что в шатре Малика, вопреки его энергии, стали прорастать ростки молодых деревьев.

— Ты ведь понимаешь, что моим слугам это потом убирать, мой ушастый друг? — лениво поинтересовался варвар.

По одному тону можно было понять, что «друзьями» они больше не были.

Нориэль, не испытывая по этому поводу никаких чувств, открыл глаза.

— Это не всё. Знания. Накопленные знания всех племён. Передай мне их.

Малик хмыкнул.

— Боюсь, даже если захочу, я не смогу выполнить долг в полной мере. Сомневаюсь, что ты захочешь остаться.

Нориэль кивнул. Он ожидал такого ответа.

Проблема нынешнего времени была в том, что в родах знания во многом передавала от человека к человеку. Да и то, что передавали, — было чем-то очень образным, индивидуальным, абстрактным. Бывший вождь лично общался с Нориэлем и передавал ему нюансы взаимодействия с духами.

То, как он их чувствовал. То, как он использовал свою силу. То, как и на что он пытался медитировать. Никакой конкретной базы пока просто не существовало, и молодой эльф давно это понял. Единственный способ, с помощью которого перерождённый дух смог бы получить столь желанные знания, заключался в прямом общении с носителями клочков абстрактной информации. То же, что пытались перенести на шкуры и камни, было скорее схематическим примерными рисунками, как должна была течь энергия, но как раз таки с этим проблем у Нориэля не было.

С самого начала обещание Малика было в полной мере недостижимым, и перерождённый дух не мог сказать, понимал ли это сам варвар на тот момент, или уже тогда его жестоко обманул.

Однако, к счастью, ситуация всё ещё была не настолько плачевной.

— Я не верю, что ты не попытался присвоить всё себе и своему роду, — снял с пояса флейту Нориэль. — Если даже я, вечно рассеянный и погруженный в собственные мысли, смог заметить между чудотворцами закономерности, то ты сделал это и давно. Чудо можно объяснить, и мы оба это понимаем. Ты не мог не попробовать.

Малик какое-то время смотрел на покрытого продолжавшей рваться из-под недр земли природы эльфа, после чего кивнул, поднявшись с трона. Царь без всяких забот принялся рыться в своих вещах, достав шкуру, которую тут же кинул удивлённому Нориэлю. Тот, поймав весьма увесистый носитель информации, открыл его, увидев бесчисленные письмена. Во многом беспорядочные, далеко не самые аккуратные, с различными мелкими рисунками, многие из которых были грубо перечеркнуты.

Очевидно, варвар находил время на личные... скажем так, исследования.

Нориэль мягко улыбнулся, опустив шкуру. Та не упала: её подхватили духи, из-за чего она застыла рядом с молодым эльфом в воздухе.

— Доволен, ушастый? — оскалился Малик. — Теперь ты просто уйдёшь? Исчезнешь во времени?

— Я хочу увидеть песочных людей и то, что они смогли создать. Уверен, ты можешь понять моё желание.

Малик, осознающий, что он на своём месте застрял до конца дней, невесело хмыкнул, вернувшись к своему трону. Царь не мог отправиться в свободное путешествие, как и не мог увидеть всего того, что мог полностью свободный от обязательств бессмертный. Нориэль не был ограничен ни в правах, ни во времени.

Малик же...

— Я не имею права тебя просить о чём-то, но не забывай, кто я, — оскалился варвар. — Лишь Насмехающийся над Традициями может позволить себе такую наглость, Нориэль, и я не стану себе в ней отказывать. Разнеси людям с бесконечно далёких земель песни и баллады про меня. Я всю жизнь мечтал дотянуться хотя бы до тени тех чудотворцев, для которых мы лишь дикие варвары. Пусть моя тень дотянется не только до их теней, но и до их песочных, хе-хе, лиц.

Образ Малика перед Нориэлем удивительным образом постарел. Пламя в глазах пусть и было таким же ярким, всё равно стало показывать признаки затухания. Варвар обещал прожить ещё долго, однако на фоне того, сколько мог прожить Нориэль...

Даже не смешно.

Пожалуй, ещё совсем недавно Нориэль бы расстроился этому, но он уже не мог простить Малика. Или, точнее говоря, просто не хотел прощать. С какого это такого перепугу?.. Он что, святой?

Начнём с того, что парень и близко понятия не имел, что такое этот ваш «Святой».

— Ты использовал меня и мою наивность, — покачал головой Нориэль. — У меня нет обиды на твой род, но нам друзьями уже не быть. Я выполню твою просьбу лишь потому, что и сам не хочу молчать. Ты — великий человек, и один из тех, благодаря кому я однажды увижу каменные джунгли. Глупо молчать с моей стороны.

Малик нахмурился, совсем не ожидая такого монолога. Казалось, он резко узнал подробности, о которых молодой эльф молчал десятилетия.

— Каменные... джунгли?..

Нориэль неожиданно мелодично, мягко засмеялся, прислонив свою флейту к губам. Его глаза... нет, не загорелись. Вспыхнули. Природа вокруг него буквально взбесилась, потоки энергии стали столь сильными, что весь шатер стало с какой-то пугающей скоростью поглощать начавшее расти прямо из-под земли дерево, на котором волшебным образом росли фиолетовые цветы.

— Слышит Лес, я благодарен тебе, Насмехающийся над Традициями, за то, что ты показал мне, насколько тёмной душой могут обладать люди, и как легко вы можете исказить собственную сущность. Для меня это важный урок. Ты помог мне многое переосмыслить и стать немного старше. Но это не значит, что выполнения обещаний будет для меня достаточной ценой. И пусть мне самому придётся заплатить за свои действия цену, будь уверен, она того стоит!

Малик уже было думал вскочить, но, естественно, никто не собирался давать горе обрушиться на маленький камешек.

Нориэль заиграл на флейте.

Стоило же ему заиграть, как пространство застыло и стало искажаться, плавиться, превращаться в сплошную смазанную картину. Варвар, поняв, кого и что позвал широко улыбнувшийся эльф, безумно засмеялся.

В Царство Мираж, конкретно в один единственный шатер бывшего вождя и первого царя, персонально пришёл в гости мираж. Поздравить с принятием титула.

Шалость удалась.

Смуглая темноволосая девушка сидела рядом с огромным деревом недалеко от ещё недавнего сердца объединения многих племён, рассматривая бесчисленные фиолетовые цветы. Никто не мог сказать, о чём она думала. Рождённая с совершенно уникальным, особенным восприятием, лишь одно существо привлекало её внимание.

К сожалению, их пути пересеклись лишь однажды и лишь на жалкий, в рамках восприятия перерождённого духа, миг. Но, по крайней мере, этот миг оказался достаточно ярким, чтобы он его запомнил.

Для молодой девушки этого было достаточно.

Уже собираясь встать, Нурай неожиданно почувствовала, как в её лицо ударил поток ветра. Пространство лишь на долю секунды исказилось, открыв вид на улыбающегося эльфа, прощающегося со своим настоящим новым другом, после чего всё резко вернулось на круги своя, и лишь падающие с огромного дерева листья говорили о том, что только что произошло что-то... особенное.

Нурай, застыв, почувствовала, как быстро забилось её сердце, после чего, вытерев проступившую слезу, подняла взгляд на рассвет.

Она никогда не сомневалась, что он решит уйти именно в это время суток.

— Он ушёл на рассвете, — прошептала Нурай, смотря на только начавшее восходить солнце. — Нориэль, Уходящий с Рассветом.

Девушка перевела взгляд с неба на племя, почувствовав, как вспыхнуло что-то безумно тёмное и злое. Запах гари ударил в нос дочери чудовища, заставив ту поморщиться. Она была уверена, что её глупый братец уже бежал помогать отцу.

Нурай, неожиданно чихнув, громко рассмеялась, упав в фиолетовые цветы.

— Всё же, даже камешек может сдвинуть гору...

Она позаботиться о том, чтобы их род помнил Великого Духа. И потом её потомки обязательно встретят его так, как это полагается.

Жаль, что она этого уже не увидит.

<http://tl.rulate.ru/book/94178/3275446>